

Прежде чем ехать домой, Кан Чжэ на всякий случай всё же заглянул в круглосуточный магазин, чтобы купить мороженое и несколько бутылок пива. Расплачиваясь на кассе, он выложил пиво на ленту, на секунду задумался, а затем уступил место стоявшей за ним девочке. Извинившись, он вышел из очереди и снова вернулся к холодильнику, чтобы взять ещё одно мороженое. Вдруг ему самому тоже захочется. Снова бежать в магазин не хотелось, а рассчитывать на то, что Тан Юйхуэй спустится вниз, было невозможно.

Тан Юйхуэй в последнее время был сам не свой: он днём и ночью, не отрываясь от компьютера, писал какие-то материалы, зачастую сутками напролёт. Даже за едой он сидел с безвольно опущенными веками. Однако именно сегодня, перед тем как отправиться домой, Кан Чжэ получил от него сообщение: «Я свободен!», за которым следовал целый ряд восклицательных знаков.

Поэтому Кан Чжэ отменил встречу с друзьями, изменил планы и решил ехать с работы прямо домой. Дело было не в том, что в последние дни ему не хотелось возвращаться. Просто несколько дней назад Тан Юйхуэй, работая над материалами, ушёл в это дело с головой до полного самозабвения. Измотанный до такой степени, что не мог открыть глаз, он рухнул на диван и уткнулся лицом в живот Кан Чжэ. А проснувшись, свалил всё с больной головы на здоровую, потребовав, чтобы Кан Чжэ не отвлекал его от работы по пустякам.

Кан Чжэ не стал опускаться до его уровня. Он понимал, что Тан Юйхуэю нужен покой, поэтому в последнее время просто засиживался допоздна в студии или проводил время с друзьями. Но, судя по всему, работа Тан Юйхуэя наконец-то была закончена. Увидев вереницу восклицательных знаков, Кан Чжэ с облегчением выдохнул, но тут же почувствовал, как подкрадывается головная боль.

Режим у Тан Юйхуэя был сбит напрочь, а окончание проекта он считает поводом для особого ритуала. Резко расслабившись и оставшись без дела, он, скорее всего, снова засядет смотреть фильмы до рассвета или будет играть в игры до поздней ночи. Существует ли какой-нибудь способ его усыпить?

Открывая входную дверь, Кан Чжэ всерьёз размышлял над этим вопросом. Нотации Тан Юйхуэй всегда выслушивал с покорным видом, но всё равно делал по-своему. Однако Кан Чжэ считал, что больше всего ему сейчас нужен хороший сон.

Как и ожидалось, стоило ему войти в квартиру, как Тан Юйхуэй, словно выпущенный из загоня ягнёнок, бросился к нему. Хотя под глазами у него залегли тёмные круги, а цвет лица был как

у живого мертвеца, его глаза ярко блестели, и он выглядел невероятно возбуждённым. Он крутился вокруг Кан Чжэ волчком:

— А? Ты принёс мороженое! Мне можно сейчас его съесть?

Кан Чжэ никогда не понимал, откуда у него берётся второе дыхание.

— Угу, — кивнул он и легонько похлопал Тан Юйхуэя по руке. — Съешь после ужина. Поедим и посмотрим какой-нибудь фильм.

Тан Юйхуэй моргнул и, немного удивившись, сказал:

— О? Разве тебе нравятся фильмы, которые выбираю я? Тебе же скучно?

— Сойдёт, — ответил Кан Чжэ. Помолчав, он добавил: — Сегодня выберу я.

Тан Юйхуэй был в прекрасном настроении по случаю законченной работы и совсем не возражал. После ужина они устроились на диване. Кан Чжэ открыл его ноутбук и увидел на диске папку с названием: «Не открывать». Ему стало любопытно, и он невзначай спросил:

— А это что?

Тан Юйхуэй подошёл поближе, взглянул на экран, задумался на мгновение и сказал:

— Это документальные фильмы о путешествиях по Китаю, которые я сохранил. Эту папку я, должно быть, часто смотрел, когда был в Англии.

— Почему такое название? — спросил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй помолчал, его голос стал тише.

— Потому что после просмотра очень хотелось домой.

Кан Чжэ на миг замер, а затем с улыбкой открыл папку.

— Всё равно мы уже дома, — беззаботно сказал он, — так что теперь можно посмотреть, верно?

Тан Юйхуэй удивлённо моргнул, а потом его глаза изогнулись в улыбке:

— Хорошо, давай посмотрим.

Определившись с фильмом, Тан Юйхуэй радостно побежал за мороженым и пивом, которые ждали его в холодильнике. Когда он вернулся, Кан Чжэ уже установил проектор, и на стене высветилось название фильма. Тан Юйхуэй застыл на месте, а затем, протягивая Кан Чжэ пиво, с восхищением произнёс:

— Вот это да! Как ты умудрился выбрать именно его?

Кан Чжэ взял пиво и удивлённо вскинул бровь:

— Я выбрал наугад. Разве это не документалки? Что-то не так?

Тан Юйхуэй покачал головой:

— Ничего. Посмотришь — сам поймёшь.

Судя по его виду, Кан Чжэ уже догадался, в чём дело. И правда, всего через несколько минут на белой стене начал проявляться пейзаж, до боли знакомый им обоим. Для Кан Чжэ это было всё равно что смотреть на собственный дом через камеру наблюдения, поэтому Тан Юйхуэй с любопытством повернулся, чтобы увидеть его реакцию. Однако Кан Чжэ лишь нахмурился: по его лицу было не понять, рад он или нет. Он просто внимательно смотрел на экран. Тан Юйхуэй моргнул, недоумевая, и предположил:

— Ты это уже видел?

Кан Чжэ не отвёл взгляда от экрана.

— Нет, — сказал он и добавил: — Но, кажется, я это помню.

Тан Юйхуэй опешил, а затем резко сел прямо. Усталость как рукой сняло. Кан Чжэ с усмешкой посмотрел на него:

— Это же не я снимал, с чего ты так разволновался?

Тан Юйхуэй серьёзно посмотрел на него:

— Я раньше обожал этот фильм. Впервые посмотрел его ещё до отъезда за границу, сразу же сохранил, а потом пересматривал в Англии бесчисленное количество раз.

— Неужели он так хорош? — улыбнулся Кан Чжэ. — Мне тогда казалось, что эти ребята — не профессионалы, целыми днями только и делали, что развлекались.

— Это ты водил их на гору? — спросил Тан Юйхуэй. — Ты был их проводником?

— Угу, — ответил Кан Чжэ. — Догадаться нетрудно, да? Туристов или фотографов-любителей я бы не повёл, но такие съёмочные группы приезжают большими компаниями, и обычно их принимает местный дом культуры. Из-за характера работы моего отца деревня всегда просила его заняться этим, но отец был вечно занят, так что в итоге это всегда сваливалось на меня.

Видя не угасающее любопытство Тан Юйхуэя, Кан Чжэ вздохнул и добавил:

— Я водил на гору очень многих. Все с огромными рюкзаками или камерами наперевес. Были и учёные, и телевизионщики. Всё это — обычное дело. Я не могу всех помнить.

Тан Юйхуэй кивнул и снова откинулся на спинку дивана. Кан Чжэ не предложил сменить фильм. На экране проносились мимолётные тени пейзажей. Хотя Кан Чжэ был равнодушен к туристам и редко искал рекламные ролики о родных краях, увидеть родину с другого ракурса показалось ему довольно интересным. Тан Юйхуэй не преувеличивал: он смотрел этот фильм очень и очень много раз. Пускай это была документалка без сюжета, персонажей и диалогов, он всё равно помнил, какой кадр будет следующим. Кан Чжэ на удивление сосредоточенно смотрел на экран, и Тан Юйхуэй тоже постепенно затих. Спустя столько лет он словно заново переживал те же чувства, что и при первом просмотре.

Пока один кадр неспешно сменял другой, Тан Юйхуэй на миг отвлёкся и взглянул на Кан Чжэ, а затем вернулся к экрану. Западная Сычуань поражала невероятной красотой. Неважно, насколько знакомы были эти виды, насколько частыми были встречи — восхищение ими не иссякало. В его глазах она навсегда осталась незапятнанным белым стягом, вознесённым в далёком уголке земли.

Тан Юйхуэй взглянул на Кан Чжэ, и ему показалось, что этот человек — один из пиков гряды ста тысяч великих гор, утраченный пульс самой вершины. В объектив попадает лишь часть вершин, но никому не дано знать, где сокрыт исток этих гор. Горные хребты едины, но пики никогда не сойдутся. Их силуэты режут горизонт, где рождаются и исчезают облака, — грань

между явным и тайным. Явное — оказалось в кадрах фильма, что смотрел Тан Юйхуэй. Тайное — в падающем снеге.

Тан Юйхуэй представил, как съёмочная группа устанавливает камеры, долго их настраивает, синхронизирует с пульсом гор. Снежная вершина тихо дышит, на таймлапсе появляются солнце, луна и звёзды, облака проплывают одно за другим. Небо безмолвно и необъятно, и ни одно облако не взглянет сюда.

Тан Юйхуэй подумал, что в группе, должно быть, было много людей, и они провели на горе долгое время. Кан Чжэ, наверное, стал тогда совсем немногословным. Чем же он занимался? «Наверное, курил, — подумал Тан Юйхуэй, — или, сжавшись в комок от холода, сидел в стороне и смотрел на горы, ведь на вершине всегда так холодно». В фильме Тан Юйхуэя гора Гунгашань парила в священной тишине, в кадре не было ни единого человека. Но на самом деле много лет назад там, за кадром, была и другая гора. И Тан Юйхуэй, сам того не осознавая, смотрел на неё все эти годы. Ни тот, кто смотрел, ни тот, на кого был устремлён взгляд, не догадывались об этом. А снег догадывался. Но всё равно продолжал падать. Горные хребты хранили молчание, созерцая безмолвную тишину.

Больше часа, пока шёл фильм, Кан Чжэ не отрывал взгляда от экрана. Но постепенно, почувствовав, что дыхание человека рядом стало медленнее и выровнялось, он сделал звук немного тише. Как он и ожидал, вскоре голова Тан Юйхуэя мягко опустилась ему на плечо.

До конца фильма оставалось всего несколько минут. Снежные горы на экране уже погрузились во мрак, солнце утонуло за грядой вершин, и совсем скоро должны были зажечься мириады сияющих звёзд. Но Кан Чжэ больше не смотрел. Он нажал на паузу, осторожно укрыл уснувшего Тан Юйхуэя пледом и с облегчением выдохнул. Наконец-то уснул.

Глядя на застывший на экране пейзаж, Кан Чжэ тихо улыбнулся, словно хотел что-то сказать, но так и не произнёс ни слова. Он прошёл на кухню, достал из холодильника второе мороженое, выключил у фильма звук, сел рядом со спящим Тан Юйхуэем, перемотал на начало и стал смотреть заново.

КОНЕЦ

От переводчика. Спасибо всем, кто дочитал до конца! Буду рада, если вы поделитесь отзывами и впечатлениями о прочитанном в моём тг канале: <https://t.me/+S8dOKS7YbCIyOWEу> А также, если поддержите мою переводческую деятельность рублём: <https://pay.cloudtips.ru/p/8eb43103>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130207>